

Я понял, что это неприятности, как только вошел в гостиную.

Когда я увидел ее лицо.

Ужас свинцовым грузом упал в яму моего желудка.

Она сидела на своем обычном месте на диване, которое занимала вечером, когда они с отцом смотрели телевизор. Он занимал большое кресло, мама сидела на левой стороне дивана, я - посередине, если сестра тоже была там. Моя сестра была старше меня, что означало, что она была на уровень выше по привилегиям. Это был естественный порядок вещей, семейная иерархия. Так и было.

Вот почему мне приходилось сидеть на промежутке между подушками. Либо там, либо на полу. Таковы были правила.

Был поздний вечер в субботу, когда я вошла в гостиную и заметила выражение лица моей матери, когда она повернулась, чтобы посмотреть на меня. Я не осмелилась спросить, в чем дело. Я знала, что скоро узнаю. В те первые несколько мгновений, когда страх охватил меня, я думал о том, узнает ли об этом мой отец. У него был вспыльчивый характер и большие, твердые руки. Я боялась его.

Наступила пауза, прежде чем она спросила: "Что это делает в моем доме?".

Когда она протянула его мне, чтобы я увидела, у меня перехватило дыхание, стыд смешался со страхом, и мое лицо начало гореть.

То, что она сделала акцент на слове "это", не осталось для меня незамеченным. Это означало серьезные проблемы. Я могла видеть ее возмущение.

Последовала еще одна пауза, несколько секунд, в течение которых у меня был один из тех моментов, когда люди говорят о том, как им хотелось бы, чтобы земля просто разверзлась и проглотила их целиком.

Затем моя мама сказала: "Ну что? Я задала тебе вопрос".

"Прости", - пробормотала я, опустив глаза, потому что мне было стыдно видеть, как она смотрит на меня с разочарованием и ненавистью в глазах.

"Порнография", - сказала моя мать с отвращением в голосе.

Я ничего не могла придумать, кроме как повторить: "Мне жаль".

"Тебе не следует смотреть на это", - сказала она.

Мама отбросила журнал в сторону.

"Если ты хочешь знать о таких вещах, тебе нужно просто спросить".

Я посмотрела на нее, не понимая, что она говорит. Слова я, конечно, понимал, но то, что она думала, что может рассказать мне о жестком порно, меня озадачило.

Когда я отвела взгляд, мама спросила: "Что именно в грязных журналах тебе нравится?".

Я скорчился, униженный, с пылающими щеками, смущенный и обеспокоенный тем, что скажет и сделает мой отец.

"Скажи мне", - настаивала мама, поднимая журнал с дивана. Она держала его так, словно собиралась либо ударить меня им, либо бросить в меня.

Она спросила: "Это ягодицы и грудь?".

Я снова сглотнула, с трудом подавляя все ужасные чувства, поднимающиеся внутри. "Я не знаю", - сказала я. "Мне очень жаль", - добавил я, надеясь смягчить ее настолько, чтобы она не рассказала об этом моему отцу.

"Тебе нравится смотреть на женскую грудь?"

Я осмелился посмотреть на нее. "Я не знаю", - сказал я.

Я увидел, как ее верхняя губа скривилась в презрении. Моя мама хмыкнула и посмотрела на журнал. Он был датский, полноцветный. Он также был развратным и непристойным, страница за страницей возмутительных и крайне неправдоподобных историй, в которых люди заканчивали трахом.

Фотографии были графическими, порнографическими. Это были не одинокие женщины, позирующие, чтобы привлечь внимание, журнал был настоящим. Женщины сосали члены, а мужчины лизали зияющие киски. Они трахались в позах, дающих камере наилучший обзор проникновения. Там были прекрасные блондинки с плотно сжатыми губами вокруг толстых эрекций, а другие пары трахались в разных позах. Для меня это было потрясюще. Я глазел на картинки и дергал свой член, выплескивая сперму, когда ее становилось слишком много. Это было порно, и мне это нравилось. Мне нравилось, что я чувствовал, когда видел голых людей, занимающихся тем, что моя мать назвала бы "грубостью". Я наслаждался тайным волнением от созерцания такого интимного акта, даже посторонним. Секс в моем понимании был личным, интимным актом, поэтому вид моделей в журналах, трахающихся, сосущих и целующихся в такой непринужденной манере, действовал на меня так, что мой член становился твердым.

И мне нравилось трогать его и заставлять выплевывать густую, сопливую сперму.

Но у меня были проблемы, потому что мама обнаружила контрабанду.

Мама вздохнула и покачала головой, а выражение ее лица говорило о том, что она жалеет меня. Затем она сказала: "Правда? Боже, да ладно, ты же не хочешь сказать, что не знаешь, нравится тебе смотреть на женскую грудь или нет?".

"Я не это имел в виду", - сказал я, желая, чтобы она оставила меня в покое.

И тут атмосфера изменилась. Внезапно, по причинам, которых я не понимал, но за которые был благодарен в тот момент, мамино поведение изменилось. Это заняло несколько мгновений, но после паузы мама взглянула на журнал, а затем пролистала несколько страниц.

Я наблюдал за тем, как она изучала картинки, ее выражение лица вдруг стало сосредоточенным и серьезным. Прошло всего несколько секунд, прежде чем мама взглянула на меня, и жесткость в ее глазах сменилась чем-то лукавым. Это была лишь вспышка, проблеск чего-то неузнаваемого на лице моей матери, и я не мог осмыслить увиденное. Я был слишком встревожен, застигнут моментом, беспокоился о наказании, которое мог применить мой отец. Но я увидел это за ее глазами, ртутную вспышку и странный поворот губ, прежде чем все исчезло, и она вернулась к журналу.

Еще несколько секунд тревога и стыд терзали меня, прежде чем мама снова посмотрела на меня.

Затем она удивила меня, сказав: "Я не скажу твоему отцу. Ты можешь не волноваться".

Облегчение было огромным, так как узлы висцерального ужаса развязались.

Мама покачала головой, повторяя: "Не скажу".

"I ... Мне очень жаль", - задыхалась я.

Она снова взяла в руки журнал. "Ты не должна приносить такие вещи в дом".

Мои щеки все еще горели, когда я быстро кивнула. "Я знаю. Я больше не буду этого делать".

Моя мама была строга, когда сказала: "Итак, вернемся к моему вопросу..."

Я смотрела на нее, и меня охватил прилив стыда, когда она сделала паузу на несколько секунд, держа журнал так, чтобы я могла его видеть.

Она закончила: "Что тебе нравится в этой грязи?".

Что я мог ответить? Что я мог ей сказать?

Наши взгляды не отрывались друг от друга в течение, казалось, целой эпохи, но это были секунды, возможно, не более пяти. Затем моя мама зашипела и закатила глаза. Она снова бросила журнал на диван и поднялась на ноги, чтобы встретиться со мной взглядом.

"Это просто секс", - сказала она. "То, что они делают", - добавила она, бросив еще один взгляд на диван. "Есть гораздо больше", - продолжила моя мать, вернув свое внимание ко мне. Она пожала плечами. "Это потому что они голые? Это из-за женщин, на которых ты смотришь? Я не думаю, что ты к этому склонен, но именно на дам, а не на мужчин. Я права?"

Ее смысл дошел до меня как вспышка откровения. "Мне нравятся дамы", - сказал я, подражая ее строгим формальным описаниям.

Мама кивнула. "Но видеть, как они трогают мужские пенисы, возбуждает тебя?"

Я застонал и закрыл глаза, чтобы не видеть ее пристального взгляда. "Я не хочу об этом говорить. Можно я пойду? Пожалуйста. Мне жаль, что я это сделала. Я не хочу, чтобы ты злилась на меня".

"Нет, ты, черт возьми, не можешь", - услышала я, как мама огрызнулась. "Ты останешься и поговоришь со мной... Если ты не хочешь, чтобы я рассказала твоему отцу".

Я открыла глаза и вздохнула: "Но ты же сказала, что не скажешь".

"Не скажу, но мы собираемся докопаться до сути".

"Я сказала, что мне жаль. Я сказал, что больше не буду этого делать".

"И я тебе верю".

"Пожалуйста, я чувствую себя так глупо".

И тогда атмосфера изменилась. Внезапно, по непонятным для меня причинам, мамино поведение изменилось. Это заняло несколько мгновений, но после еще одной короткой паузы мама посмотрела на журнал, а затем на меня.

Она вздохнула и мягко улыбнулась мне. "Бедный малыш", - сказала она, погладив меня по щеке. "Я понимаю, каково это. Ты смотришь на этих дам и возбуждаешься".

Я уже собирался вмешаться с очередным извинением и мольбой отпустить меня, как тыльная сторона ее пальцев коснулась моей щеки, и она продолжила: "Это такое отчаянное чувство, не так ли? Это чувство прямо там, внизу..."

Ее рука переместилась вниз к моему животу, где она нежно прижала свои пальцы ко мне.

Она вздохнула: "Щекотно, не так ли?".

Я кивнул, встревоженный тем, что мой член реагирует на ее прикосновения и мягкий, убаюкивающий тон ее голоса.

Это было странно интимно, чувство неправильности смешивалось с бурлящим возбуждением, когда я смотрел в глаза матери и видел, что они частично остекленели, как будто ее мысли были где-то еще.

С таким мечтательным выражением лица мама пробормотала: "Он становится твердым, не так ли? Твой пенис?"

Я сглотнул, борясь с нахлынувшим желанием. Мне вдруг захотелось прикоснуться к ней, как она прикасалась ко мне. Это было так, как она сказала: отчаянное щекотание где-то глубоко в глубине моего живота.

С темными желаниями, раздувающимися внутри, мне удалось кивнуть и пролепетать "да".

"Угу", - ответила моя мать, ухмыляясь мне с тем, что выглядело как забава, сверкающая в ее глазах. "Ну, - добавила она, отступая на шаг, - интересно, ты... трогаешь себя, когда смотришь этот журнал".

В течение сюрреалистической пары секунд мама удерживала мой взгляд, а затем, мягко и непринужденно, как будто это было обычным делом, так же легко, как если бы она спросила, хочу ли я перекусить, мама сказала: "Ты можешь сделать это сейчас, если хочешь. Я не обижусь. Это естественная склонность".

Внутри меня пронесся целый поток мыслей и впечатлений. Я боролся с автоматической реакцией своего тела, пытаюсь осмыслить то, что она только что сказала.

Когда все это происходило, все, что я мог сказать, это: "I ... Я не понимаю".

Хитрая, странно возбуждающая ухмылка появилась на ее лице, когда она сказала: "Ты можешь потрогать себя. Сейчас. Я не буду сердиться".

"В моей спальне?" пролепетала я.

Моя мать пожала плечами. "Если хочешь."

Она сделала паузу, и мой мозг попытался уловить суть.

Затем она еще больше запутала меня, сказав: "Или здесь. Со мной".

Я растерялся, потому что был уверен, что она не имела в виду то, что слышали мои уши.

Я спросил: "Что ты имеешь в виду?"

"Твой пенис. Ты можешь его потрогать".

Моя мама посмотрела вниз на джинсы, а затем сфокусировала свое внимание на моем лице, сведя брови дугой.

"Я думаю, он твердый. Я думаю, ты хочешь", - добавила она.

Я был потрясен, услышав это. "Нет", - пробурчал я, отрицая, что мой член твердый.

"Ты можешь смотреть на меня, если хочешь", - сказала мама, бросая очередной взгляд на журнал. "Только не грязную, ужасную порнографию. Тебе не нужно на это смотреть!".

Я еще немного поразмышлял, а затем недоверчиво спросил: "Смотреть на тебя?".

Мама кивнула. "Тебе ведь нравится смотреть на женскую грудь?".

"Мам, нет..."

Она заткнула меня, насмехаясь и пренебрежительно махая рукой, типа: не будь таким глупым. Потом она сказала: "Да, признай это. Я же сказала тебе, я не буду злиться. Я не хочу, чтобы ты смотрела на эти журналы. Они просто грязные. Они о том, как люди грубы. Они не о любви".

<http://erolate.com/book/2320/59989>